

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНИЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

IX. (*)

Заботы императора о процветаніи въ Россіи науки, литературы, искусства, торговли и промышленности. — Художникъ Ладурьеръ. — Пушкинъ. — Станція академіи наукъ. — Перемена въ административныхъ нравахъ. — Взглядъ императора на судебную часть. — Товарищи министровъ. — Дала въ царствѣ Польскомъ.

Императоръ Николай, вступивъ на престолъ, обѣщалъ поощрять всѣ обширныя предпріятія промышленности и торговли, покровительствовать всѣмъ полезнымъ учрежденіямъ, поддерживать всею своею властію литературу, науки и искусства. Гражданскія занятія, которыми онъ былъ обремененъ въ первый годъ своего царствованія, не позволили ему осуществить вполне свои желанія по этимъ предметамъ государственной и народной жизни; тѣмъ не менѣе онъ постоянно помышлялъ о нихъ, какъ то свидѣтельствуютъ многочисленныя официальные документы и щедрые дары, доказывавшіе, что, подобно Елизаветѣ II и Александру I, новый императоръ заботился о процветаніи въ Россіи умственного труда и мирныхъ искусствъ.

Еще при императорѣ Александрѣ образовалось въ С.-Петербургѣ общество поощренія искусствъ, съ цѣлью поддерживать національныхъ художниковъ посредствомъ конкурсовъ, выставокъ картинъ и розыгрышемъ ихъ въ лотерею, также отправленіемъ даровитыхъ молодыхъ людей за границу (**). Оно успѣло

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., №№ 10—12, и 1868 г., № 1.

(**) На счетъ этого общества былъ отправленъ въ Италію знаменитый Карлъ Врангель.

уже оказывать существенныя услуги русской живописи, все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій, устроило постоянную выставку художественныхъ предметовъ въ обширномъ помѣщеніи на Невскомъ проспектѣ и 7-го февраля 1826 г. праздновало открытіе выставки. Императоръ Николай Павловичъ, не имѣвъ возможности присутствовать при этомъ торжествѣ, удостоилъ общество весьма милостивымъ растрелтомъ, въ которомъ выразилъ, что, принимая общество подъ свое покровительство, съ удовольствіемъ будетъ слѣдить за его успѣваніемъ, и пожаловалъ 10,000 р. ежегоднаго пособия, вмѣсто 5,000 р. отпускавшихся прежде. Извѣстно, что государь, будучи еще великимъ княземъ, свободно и легко набрасывалъ карандашемъ или перомъ эскизы портретовъ съ натуры, воспроизводилъ военныя сцены, группы войскъ, лошадей. Теперь ему, конечно, не доставало времени заниматься артистическими развлеченіями; но онъ попрежнему любилъ этотъ родъ композиціи и постоянно выписывалъ изъ Франціи, изъ Германіи и изъ Англіи гравюры и литографіи, изображавшія военныя сцены, охоту, верховую ѣзду. Рисунки Карла и Ораса Верне доставляли ему большое удовольствіе. Любуясь этюдами лошадей и всадниковъ, начертанныхъ Орасомъ Верне, онъ неоднократно говаривалъ: — „Если бы Орасъ Верне переселился въ Россію, я назначилъ бы его моимъ первымъ живописцемъ и далъ бы ему хорошее жалованье“.

Знаменитый живописецъ не могъ въ это время выѣхать изъ Франціи: онъ былъ занятъ исполненіемъ для герцога Орлеанскаго (впослѣдствіи короля Луи-Филиппа) огромнаго размѣра картинъ, изображавшихъ битвы времёнъ республики и имперіи, и потому прислалъ въ Петербургъ Ладюрнера, одного изъ лучшихъ своихъ учениковъ. Въ строгомъ смыслѣ, Ладюрнеръ не былъ живописцемъ, хотя со всеюсердіемъ писалъ батальонскія картины; за то, по выраженію Ораса Верне, онъ „владѣлъ чертовскимъ карандашемъ“: достаточно ему было сдѣлать пять или шесть штриховъ, чтобы найти сходство и набросать эскизы солдата, лошади, собани. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Ладюрнеръ придумалъ способъ самъ себя отрекомендовать императору. Въ день, назначенный для смотра части гвардіи, Ладюрнеръ взялъ свой портфель, туго набитый бумагою и карандашами, выбралъ себѣ мѣсто, откуда хорошо могъ видѣть общую картину и подробности смотра, и лишь только

барбаны возвести приезд его величества, принялся за работу. В течение одного часа он перенесъ на бумагу все, проходившее вѣдъ его глазами: батальоны, эскадроны, людей, лошадей, наконецъ, въ особенности, портреты главныхъ начальниковъ частей и превосходный крокъ императора на конѣ, въ моментъ прохода вѣдъ войскъ. Когда французскій художникъ кончилъ работу, всѣ его рисунки тутъ же были представлены его величеству. Они чрезвычайно понравились государю, и когда ему привезли художника, его величество спросилъ:

— Вы, вѣроятно, Орасъ Верне?

— Нѣтъ, ваше величество, я его ученикъ, отвѣчалъ скромно молодой французъ.

Овъ этого дня положеніе Ладюрнера было упрочено. Овъ всегда находился вблизи императора на смотрѣхъ, на маневрахъ, на празднествахъ, на охотахъ, и всегда былъ готовъ, по данному знаку, набросать всмихъ живой, остроумный, забавный, который онъ впоследствии превращалъ въ картину. Какъ живописецъ, Ладюрнеръ не отличался первоклассными достоинствами, но на его сторонѣ были реализмъ композиціи, точность подробностей, сходство, и самъ государь дозволилъ ему нѣтъ или шесть разъ снять свой портретъ въ различныхъ видахъ. Впоследствии, съ прибытіемъ въ Петербургъ Ораса Верне, ученикъ уступилъ первенствующее значеніе своему гениальному учителю.

Покровительствуя художниковъ, императоръ благоволилъ также иъ поэтамъ и литераторамъ, хотя, по врожденному вкусу, и не восторгался, какъ императоръ Александръ, произведеніями поэзии описательной или сентиментальной. Тѣмъ не менѣе императоръ Николай Павловичъ умѣлъ цѣнить истинныя дарованія, возвратилъ изъ ссылки Пушкина, и, радуясь, что нашъ славный поэтъ не былъ замѣшанъ въ заговоръ 14-го декабря, пожелалъ видѣть его въ своемъ кабинетѣ безъ постороннихъ свидѣтелей. Пушкинъ безъ труда оправдался въ тѣхъ подозрѣніяхъ, которыя тяготѣли надъ нимъ и которыя были послѣдствіемъ его неосторожныхъ отзывовъ о разныхъ злоупотребленіяхъ; благородно и открыто изложилъ онъ предъ монархомъ свои политическія мнѣнія, объявивъ, что, будучи ревностнымъ поборникомъ движенія впередъ, никогда не былъ сторонникомъ смуть и анархіи; честно и искренно воздалъ его величеству хвалу за мужество и величіе души, проявлен-

няя такъ торжественно 14-го декабря, и только выразить сожалѣніе о судьбѣ многихъ руководителей пагубнаго дѣла, ослѣпленныхъ и обманутыхъ ложными идеями, тогда какъ, при лучшемъ направленіи, они могли бы привести дѣйствительную пользу отечеству.

Государь выслушалъ поэта благосклонно и отвѣчалъ ему милостиво. Упомянувъ, въ свою очередь, о преступномъ заговорѣ, основанномъ на цареубійствѣ, на неспровержимыхъ коренныхъ законахъ имперіи и общественнаго порядка, императоръ своимъ задушевнымъ, краснорѣчивымъ словомъ разстрогалъ Пушкина до слезъ.

Подавая руку Пушкину, его величество прибавилъ, что отнынѣ онъ можетъ жить въ той или другой столицѣ, или въ другомъ городѣ, по своему выбору, и выразилъ желаніе самъ просматривать творенія поэта (*).

29-го декабря 1826 года академія наукъ имѣла торжественное засѣданіе по случаю празднованія своего 25-лѣтняго юбилея. Это засѣданіе было одно изъ самыхъ интересныхъ: его удостоили присутствіемъ императоръ и императорская фамилія; между посѣтителями были высшія духовныя особы, придворныя чины, министры, дипломатическій корпусъ, военные генералы, писатели, ученые. Президентъ Уваровъ прочиталъ, на русскомъ языкѣ, рѣчь, въ которой представилъ историческій очеркъ академіи и указалъ на щедрые дары, полученные ею отъ монарховъ Россіи въ теченіе ста лѣтъ. Послѣ президента непремѣнный секретарь Фуссъ изложилъ, на французскомъ языкѣ, обзоръ трудовъ академіи со времени ея основанія, т. е. съ 1726 года по 1826 годъ, и перечислилъ образованіе и постепенное приумноженіе академическихъ музеевъ и всякаго рода

(*) Пушкинъ самъ рассказывалъ объ этомъ знаменательномъ въ своей жизни событіи. „Фельдъегерь внезапно исторгнулъ меня изъ моего невольнаго уединенія, повезъ на почтовыхъ въ Москву, прямо въ Кремль, и я, еще весь покрытый пылью, былъ введенъ въ кабинетъ императора. Государь сказалъ мнѣ:—„А, здравствуй Пушкинъ! доволенъ ли ты, что возвращенъ?“—Я отвѣчалъ что слѣдовало. Императоръ долго бесѣдовалъ со мною и, между прочимъ, спросилъ меня:—„Пушкинъ, если бы ты былъ въ Петербургѣ, то принялъ ли бы участіе въ 14-мъ декабрѣ?“—„Непремѣнно, государь: всѣ мои друзья были въ заговорѣ, и я не могъ бы уклониться. Одно отсутствіе мое спасло меня, и я благодарю за то Бога.“—„Ты довольно шалилъ“, продолжалъ императоръ: „надѣюсь, что теперь ты будешь благоразумнѣе и размовки у насъ впередъ не случится. Присылай мнѣ все, что напишешь: отнынѣ я буду твоимъ цензоромъ“. См.: „Русскій Архивъ“, № 7-й, за 1867 годъ, стр. 1068.

командиръ. Фатъвъ Уваровъ поднесъ императору и членамъ императорской фамилии золотую медаль, выбитую въ дни столѣтняго юбилея. Вырѣзанная графомъ Ф. Толстымъ, по рисунку академика Келлера, она имѣла съ одной стороны портретъ императора Николая, а на противоположной сторонѣ была изображена Минерва, державшая лавровый вѣнокъ надъ двойнымъ портретомъ Петра-Великаго и Александра, съ надписью: „Основателямъ и хранителямъ“.

По случаю юбилея академіи наукъ, его величество пожаловалъ этому высшему ученому учрежденію портреты российскихъ императоровъ, начиная съ Петра-Великаго, для помѣщенія ихъ въ залѣ торжественныхъ собраний. Сообщая о томъ президенту Уварову, государь замѣтилъ, что въ памяти его замечательность слѣдующее мѣсто изъ рѣчи некремѣннаго секретаря: „Вѣка Перикла, Птоломея, Августа, Медича, Лудовика XIV, Византины II и Александра I не доказываютъ ли, что любовь къ литературѣ и успѣхи наукъ были всегда плодомъ того уваженія и того покровительства, которыя оказывали имъ просвѣщенные монархи?“

Вскорѣ послѣ академическаго юбилея императоръ удостоилъ (20-го января 1837 г.) лестнымъ рескриптомъ с.-петербургское вольное экономическое общество и пожаловалъ ему ежегодно по десяти тысячъ рублей для расширенія круга его дѣятельности. Его величество объявилъ въ этомъ рескриптѣ, что одушевляеть неизмѣннымъ желаніемъ видѣть процвѣтаніе въ Россіи всѣхъ полезныхъ учрежденій. То же самое было выражено и въ рескриптѣ московскому обществу сельскаго хозяйства.

Въ административныхъ нравахъ Россіи обнаружилась, въ это время, неожиданная перемена: продажность и мадамство, которыя императоръ Александръ признавалъ недугами неизлечимыми, если и не исчезли, то притаялись такъ же робко, какъ дерзко и нахально выставляли себя напоказъ въ предшествовавшее царствованіе. Императоръ Николай Павловичъ не ограничился угрозой и предостереженіемъ тѣмъ чиновникамъ, которые забыли честь и совѣсть: многихъ изъ нихъ онъ наказалъ, и притомъ съ примѣрною строгостію. Министры и главноначальствующие, въ виду примѣра дѣятельности и ревності монарха, усугубили свою бдительность относительно строгаго соблюденія закона подчиненными имъ лицами; благотворный страхъ распространился во всѣхъ частяхъ управленія.

Вотъ однакъ притѣръ наъ извѣдѣ, доказывающій, каковъ вліяніе мѣры императора Николая проказали на мораль мелочнаго агентавъ правительствѣ. Полиція арестовала ночью одного молодого человека. Проступекъ его былъ незначительный; но арестованіе его не обшлось безъ шума и бѣвъ скандала. Отецъ арестованнаго предложилъ полицейскому офицеру выдочаю сумму, лишь бы онъ выпустилъ молодого человека. Полицейскій чиновникъ молча сосчиталъ деньги; потомъ, отдавая ихъ обратно отцу виновнаго, сказалъ со вздохомъ: „Въ прошломъ году я удовольствовался бы десяткою часею того, что вы мнѣ предлагаете; теперь на воаму и ввасатеро больше: черезъ часъ государь узнаеть объ этомъ“.

Въ рескриптѣ, данномъ на имя министра юстиціи, князя Лобанова-Ростовскаго (3-го января 1827 г.), императоръ изъявилъ ему удовольствіе за результаты, достигнутые по этому вѣдомству въ первый годъ царствованія; тѣмъ же манеромъ, несмотря на мягкость формы, въ рескриптѣ можно было замѣтить строгость тона, доказывавшую, что монарху были извѣстны злоупотребленія по судебному вѣдомству, остававшіяся единичными долготерпимыми и безнаказанными. Его величество выражала министру юстиціи надежду, что судопроизводство будетъ отнынѣ скорое, точное и обдуманное, что личная безопасность, собственность, словомъ всѣ права подданныхъ будутъ обеспечены во всей имперіи судомъ правымъ, что тѣ, которымъ ввѣрено блюсти и хранить правосудіе, будутъ руководствоваться единственно сознаніемъ своихъ обязанностей, уваженіемъ къ святости законовъ, присягою и правилами чести.

Этотъ рескриптъ произвелъ чрезвычайно отрадное впечатлѣніе на всѣ сословія. Обнародованіемъ его императоръ хотѣлъ показать, что отнынѣ будетъ строго слѣдить за судебною властію на всѣхъ ступеняхъ юрисдикціи, и что въ случаѣ какихъ либо противозаконныхъ дѣйствій вина падеть не на него, потому что такіа дѣйствія навѣрное оставались ему неизвѣстными. Монархъ дѣлалъ какъ бы косвенный привывъ своимъ подданнымъ, чтобы и они, съ своей стороны, могли содѣйствовать ему своими указаціями на скрываемыя отъ него беззаконія. Вслѣдъ затѣмъ его величество сталъ получать по почтѣ множество писемъ. По тѣмъ изъ нихъ, которыя заслуживали вниманія, немедленно производилось дознаніе; письма же анонимныя были собираемы.

Всегда будучи врагомъ гласнаго названія, императоръ принадлежалъ процессу общирную реформу въ угоду немцамъ; но для этого надлежало дожидаться, когда будетъ новое собраніе законовъ имперіи, первую часть позарядо Шерера снѣдъваясь представить въ скоромъ времени.

Министры были завалены работою и едва успѣвали справляться съ дѣлами, ибо императоръ требовалъ, чтобы всѣ административные и политическіе вопросы были разсматриваемы безотлагательно, по мѣрѣ ихъ поступления въ то или другое ведомство. Онъ хотѣлъ, чтобы рѣшеніе слѣдовало непосредственно за обсужденіемъ проекта, держась, въ этомъ случаѣ, своего неизмѣннаго правила: *всякая малютка въ рѣшеніи малюбка не имѣла дѣла можешь подать поводъ къ новому затрудненію*. Потому-то онъ и не допускалъ, чтобы дѣло, даже самое незначительное, лежало въ министерствахъ безъ движенія. Но министры были, болыною частію, люди преклонныя лѣтъ; они не чувствовали себя въ силахъ рваться въ дѣятельность съ молодымъ императоромъ, и потому государь установилъ новое званіе товарищей министровъ, опредѣливъ ихъ обязанности въ такомъ смыслѣ, что товарищи должны помогать министрамъ въ ихъ занятіяхъ, наблюдать за быстрымъ теченіемъ дѣлъ и только въ случаѣ отсуствія или болѣзни министра управлять министерствами. Замѣчательно, что два министра, наиболѣе обремененные дѣлами, министры военный и иностранныхъ дѣлъ, не получили товарищей. Это объясняется тѣмъ, что самъ императоръ много работалъ по снѣмъ двумъ вѣдомствамъ, въ буквальный смыслъ раздѣляя труды съ обоими министрами. Генералъ графъ Татищевъ снѣдъваясь въ это время привести на военное положеніе южную армію, главнокомандующій, которую, графъ Витгенштейнъ, уже былъ названъ въ С.-Петербургѣ. Графъ Нессельроде дѣятельно обмѣнивался въ лондонскихъ кабинетахъ дипломатическими нотами, касавшимися дѣлъ Греціи и Турціи.

Хотя и можно было предвидѣть, что въ 1827 году совершатся важныя военныя и политическія событія, однако ничто еще не обнаруживало тѣхъ грозныхъ огибшеній, которыя правительство готовилось принять въ виду стрѣтливости Османской Періи. Императоръ старался только, при удобномъ случаѣ, вызывать въ войскахъ славныя воспомнанія о 1812 году. Такъ лейбъ-гвардіи казачьему полку его величество пожино-

валъ георгіевскіе штандарты за отличіи, оказанныя покомомъ въ отечественную войну, при изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, и въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ. Съ томъ же цѣлію установлено было праздновать, въ день Рождества Христова, освобожденіе русской земли отъ нашествія французовъ, для чего офицеры, унтеръ-офицеры и рядовые, служившіе въ достопамятную годину, были приглашены въ Зимній дворецъ. По окончаніи божественной службы, ихъ величества прошли Вѣлую и Георгіевскую залы мимо фронта линіи доблестныхъ воиновъ, и затѣмъ присутствовали при освященіи новой военной галереи, украшенной портретами (писанными Даву и другими художниками) всѣхъ генераловъ 1812 года. Эта огромная и великолѣпная галерея была убрана знаменами тѣхъ полковъ, которыми предводительствовалъ императоръ Александръ.

Изъ живыхъ тогда сподвижниковъ покойнаго императора недоставало только цесаревича Константина. Онъ писалъ своему царственному брату, что его задерживаютъ въ Варшавѣ послѣднія дѣйствія слѣдственной комисіи, готовившейся представить донесеніе о началѣ и козняхъ тайныхъ обществъ въ царствѣ Польскомъ. Цесаревичъ обѣщалъ однако въ скоромъ времени лично пріѣхать съ этимъ донесеніемъ; оно, по его словамъ, было бы мѣтѣ тягостно и прискорбно, если бы не самый предметъ, о которомъ придется говорить при предстоящемъ свиданіи. Письмо ничего не объясняло дагѣе; но можно было догадываться, что донесеніе, редактированное сибиріанскою комисіей русскихъ и польскихъ чиновниковъ, съ преобладаніемъ въ ней впрочемъ польскаго элемента, заключало въ себѣ дажего не полную истину и требовало разъясненія и пополненія посредствомъ словесныхъ и кофиденціальныхъ сообщеній. Императора Николая Павловича огорчили не эти неутѣшительныя вѣсти: онъ опечалился отсутствіемъ цесаревича; а что касается до донесенія варшавской слѣдственной комисіи, то его величество имѣлъ всѣ причины не довѣрять ей строгой правды: онъ уже получилъ, съ разныхъ сторонъ, самыя категорическія подробности о громадномъ развитіи тайныхъ обществъ въ царствѣ Польскомъ и о броженіи тамъ умовъ, отуманенныхъ мечтами о національной независимости. Особенно грустно было государю узнать, что великій князь Константинъ, всегда готовый оправдывать и защищать польскую націю, сдѣлался жертвою неумолимой ненависти поляковъ, несмотря на

братъ его въ чистопровное полькою. Какъ не могли простить цесаревичу, что онъ съ негодованіемъ отвергъ эту мысль провозгласить восстановление королевства польскаго въ прежнихъ предѣлахъ и возложить на себя корону въ тотъ самый моментъ, когда братъ его вступалъ на врескель исторіи. До этого времени въ Варшавѣ смотрѣли на великаго князя какъ на задитника и покровителя; теперь, забывъ все что онъ сдѣлалъ, вѣтхоніе двести лѣтъ, для поляковъ, стали возводить на него самыя подлыя, самыя чудовищныя вменеты.

Въ февралѣ цесаревичъ неожиданно прибылъ въ С.-Петербургъ. По словамъ современниковъ—очевидцевъ онъ постарѣлъ десятью годами въ послѣдніе четыре мѣсяца, и на лицѣ его отражались слѣды глубокой душевной тоски. Дѣйствительно, въ продолженіе девяти дней, прожитыхъ въ столицѣ, великій князь Константинъ Павловичъ не показывался въ публикѣ; не былъ даже въ маскарадѣ, данномъ въ Зимнемъ дворцѣ для дворянства и куческиза; почти всякое утро одинъ, въ сопровожденіи только своего камердинера, ѣздилъ въ Петропавловскій соборъ, и здѣсь молился надъ могилою Александра; проводилъ долгіе часы съ императоромъ наследнѣмъ, часто имѣлъ свиданія съ императрицею—матерью и, наконецъ, въ свободное отъ дѣлъ время посѣждалъ великаго князя Михаила Павловича.

— „Неужели ты думаешь, что я счастливъ?“ сказалъ онъ однажды брату, когда тотъ сталъ дружески упрекать его въ молчаливость и въ мрачность. — „Я окруженъ тайными обществами и заговорщиками. Если бы у меня не было ножи начальствомъ арміи, на которую я могу полагаться, если бы величія генерала Жандра не берегла меня, мое положеніе было бы невыносимо, мнѣ пришлось бы уѣхать изъ Варшавы.... И однакожь, не взирая ни на что, несмотря ни на опасности, ни на затруднительность положенія, я люблю Польшу....

Суди по результату трудовъ варшавской слѣдственной комисіи, въ которой, какъ замѣчено, польскій элементъ постоянно преобладалъ надъ элементомъ русскимъ, нельзя было сомнѣваться, что верховный судъ, составленный исключительно изъ поляковъ, будетъ руководствоваться національнымъ сочувствіемъ къ подсудимымъ. И однакожь императоръ Николай, предавая оправданіе внешнему, не помышлялъ о томъ, чтобы судить въ имперіи дѣло, въ которомъ принимали участіе одни поляки, и повелѣвая учредить въ Варшавѣ верховный судъ, объявлялъ въ

указъ отъ 7-го (19-го) апрѣля 1827 года, что заблужденіе нѣ-
спольскихъ лицъ не будетъ имѣть никакого вліянія на ограни-
ченіе правъ прочихъ подданныхъ царства Польскаго. Между-
тѣмъ, члены, назначенные въ составъ верховнаго суда ни мало
не торопились приступать къ работѣ. „У насъ отъ двухъ-сотъ
до трехъ-сотъ содержащихся подъ стражею“ — писали цесаре-
вичъ; — „виновность ихъ очевидна, но невозможно добиться отъ
нихъ какого-либо признанія; у насъ нѣтъ доказательствъ; мы
не находимъ свидѣтелей, и, въ минуту произнесенія приговора,
я не увѣренъ, чтобы мы нашли судей“....

Съ тѣхъ поръ императоръ Николай Павловичъ не ожидалъ
уже ничего добраго отъ царства Польскаго; онъ видѣлъ тамъ
въ будущемъ серьезныя затрудненія и не раздѣлялъ, по этому
предмету, увлеченій брата своего Александра, который, впрѣ-
чемъ, и самъ разочаровался въ полякахъ въ послѣдніе годы
своей жизни. Говорить, будто великодушный монархъ, един-
ственный ходатай за польскую націю на вѣнскомъ конгрессѣ,
восстановитель самаго имени Польши, которое все другіе го-
сударя навсегда хотѣли вычеркнуть изъ исторіи, сказалъ съ
горечью: „поляки родятся неблагодарными!“... И министры, во-
евоиннаго императора, до сихъ поръ оставшіеся на своихъ
мѣстахъ, постоянно обнаруживали недовѣріе къ царству Поль-
скому, считали его какъ бы чуждымъ клочкомъ Россіи, и по-
тому императоръ Николай неохотно занимался съ ними дѣлами
царства. Однажды онъ сказалъ князю Лопухину (предсѣдателю
государственнаго совѣта), по поводу приготавлиаемаго Сперан-
скимъ „Свода Законовъ“:

— Мы не должны забывать, что трудимся для нашей ма-
тери Россіи, а не для Польши!

X.

Извѣстія изъ Персіи.—Ермоловъ и Паскевичъ.—Отношенія къ Турціи по дѣ-
ламъ Греціи.—Неизбѣжность войны съ турками.—Приготовленія къ ней.—Импе-
раторскій смотръ и маневры эскадры близъ Красной Горы.—Аудіенція нашего
посланника у султана Махмуда.—Прѣбытіе въ С.-Петербургъ чрезвычайнаго
англійскаго посольства.—Орденъ Подвязки, поднесенный императору Николаю.

Въ теченіе зимы окончены были приготовленія къ от-
крытію рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій противъ Персіи.
Шая не только не думалъ о мирѣ, но собралъ, въѣсто раз-
сѣянной въ прошлагодную кампанію, новую армію, состояв-

шумъ и въ дѣлѣхъ полкова и въ оныхъ, средатахъ и въ сороки
всадниковъ казачьихъ обученныхъ и дисциплинированныхъ по
европейски; и въ синагогахъ отъ тысячи и до двухъ тысячъ евреевъ

Войска же недоразумѣній; возникшихъ между генераломъ
Владимиромъ и Паскевичемъ, императоръ призвалъ пущимъ, для
утихоженія войны въ ивѣль, пославъ въ Тельманъ начальника своего
главнаго штаба, барона Дибича. Вскорѣ затѣмъ генераломъ
адъютантъ Паскевичъ былъ назначенъ командиромъ отдѣльнаго
казацкаго корпуса, со всѣми правами и полномочіями своего
предѣлщика; кромѣ того, его величество отдалъ ему и особую
инструкцію съ генераломъ Владимировымъ, котораго не
просилъ дозволенія принять участіе въ предѣлахъ и дѣланіи

Ожидали открытія, что въ веснѣ 1827 года, послѣдствіи
дѣйствій и прозвѣтъ турокъ. Императоръ считалъ войну Тур-
ціи неизбежною; войска, расположенныя въ Песбарѣ, были
усланы, но въ этотъ разъ дѣло ограничилось разбавленіемъ
въ Черномъ морѣ дивизіи, подъ начальствомъ адмирала Грейга;
потому что переговоры съ Турціей еще продолжались, Англія
ничего не дѣлала, или не могла дѣлать, относительно новона-
внѣйшей тайносо протокола 4-го апрѣля; Османская Пор-
та, въ свою очередь, уморно отказывалась принять какое-либо
посредничество между ея возставшими подданными. Фран-
ція же, повинувшись обществу и мнѣнію, которое все болѣе и
болѣе высказывалось въ пользу турковъ, рѣшилась поддержать
ихъ и предложила Россіи и Англіи воспротивиться общему сла-
бому истребленію христіанскаго народа. Надлежало ахдоветельно
замѣнить, трактатомъ между тремя державами, протоколъ, содер-
жащійся мертвоею буквою, хотя и жившій существенное вліяніе
на дѣла вѣликой независимости. Основанія посредничества,
начертанныя въ этомъ протоколѣ, были тѣ самыя, которыя
греки одобрили на собраніи въ Эпидавръ. Существенное дѣло со-
стояла въ слѣдующемъ: Греція образуетъ свободное государ-
ство подъ верховною властію султана, которому оно будетъ
платить ежегодную дань; греки управяются вѣскими, вѣста-
чаемыми ими съ согласіемъ Порты; они будутъ пользоваться по-
лною свободою торговли и сами завѣдывать своими внутренними
дѣлами; они обязываются купить въ ивѣль, принадлежачи
туркамъ на материкѣ Греціи и на островахъ, чтобы такимъ
образомъ достигнуть совершеннаго раздѣленія обѣихъ націй.
Въ протоколѣ было положительно сказано, что отъ Порты

не заставит ни Россію, ни Англію оставить своихъ принциповъ посредничества; напротивъ, обѣ державы постараются, во всякомъ случаѣ, примирить воюющія стороны; сами же они не ищутъ никакого приращенія своихъ заздѣній, никакого исключительнаго вліянія и никакаго иныхъ выгодъ по торговлѣ, которыхъ не могли бы получить подданные всякой другой націи.“

9-го января 1827 года графъ Нессельроде адресовалъ, по приказанію императора, князю Дивану, нашему послу въ Лондонѣ, депешу, съ цѣлію безоппортунно побудить саль-джемскій кабинетъ къ посредничеству между Портою и Греціей. Въ этой депешѣ, отличающейся твердостью тона и ясностію требований, сказано было между прочимъ: „Обытъ убѣдильнасть, что единственный аргументъ, производящій впечатлѣніе на другіе кабинеты, есть опасеніе видѣть, что умиротверженіе Греціи совершится единственно перевозомъ Россіи. Довести кабинеты до выбора одного изъ двухъ путей: или оставить насъ безусловными распорядителями, или присоединиться къ намъ и имѣть съ нами руководить дѣломъ мира—значитъ обезпечить за кабинетами наилучшее средство получить къ содѣйствію къ исполненію протокола 23-го марта (4-го апрѣля по новому стилю) 1826 года. Чтобы избѣгнуть упрека въ отклоненіи предложенія, возбужденнаго англійскимъ министерствомъ, императоръ принимаетъ предложеніе Франціи и соглашается на превращеніе протокола въ формальный трактатъ. Его величество соглашается также, чтобы трактатъ былъ заключенъ между всѣми тѣми державами, которыми бы пожелали подписать оный. Но условіе, которому государь императоръ подчиняетъ сей трактатъ, есть условіе *à peu près*: истинная мѣра, нами указываемая, есть соединеніе эскадръ, съ цѣлію не допускать турецкой или египетской помощи людямъ, кораблямъ и военными снарядами.“

Тайный совѣтникъ Рибоьеръ уже былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь; но онъ наводился на границѣ Турціи, выжидая результата послѣднихъ представленій Дивану нашего повѣреннаго въ дѣлахъ. 11-го января графъ Нессельроде писалъ Рибоьеру: „Если принять въ соображеніе, что реформы султана Махмуда были предприняты при разстроенныхъ финансахъ, посреди признаніемъ постепеннаго упадка, и что султанъ заливать въ потокахъ крови воз-

станія, которыя одною возобновляются каждыи день, то трудно повѣрить въ продолжительность его царствованія и его правленія. Ни въ какомъ случаѣ Россія не можетъ смодръять равнодушно на это предприятие. Если оно удастся, усильно можетъ загалить, такъ сказать, турецкое правительстве и дать ему увѣренность въ своихъ силахъ, послѣдствія чего неимѣетъ и Россія; если же попытка кончится безуспѣшно, то повлечетъ за собою паденіе Османской имперіи.... Необходимо, слѣдовательно, чтобы такой переворотъ не засталъ насъ врасплохъ, и вы оказали бы большую услугу и нашему монарху, и нашему отечеству, если бы сообщили намъ своевременно признаки катастрофы, дабы Государь Императоръ могъ принять свои мѣры и имѣть вѣсныя, согласныя съ достоинствомъ и потребностями Россіи, на тѣ политическія комбинаціи, которыя замѣнитъ собою имперію полушарья.“

Въ этой донесѣ возмозительно выражена мысль, преобладавшая тогда въ свѣтѣ министровъ императора Николая: самое надежнѣе турецкаго владычества всѣмъ казалось ненадежнымъ. Самая сущность миссіи Рибоьера основана въ томъ, чтобы основательно и во всѣхъ подробностяхъ изучить вопросъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ готовъ былъ разрешиться.

Представленія нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, какъ и слѣдовало ожидать, не повели ни къ чему. Тогда Рибоьеръ выѣхалъ изъ Бухареста и прибылъ 11-го септября въ Константинополь. На первыхъ ноты, передаваемыя англійскимъ посланникомъ Дивану и поддержанныя министрами Россіи, Франціи и даже Австріи, послѣдовали лишь словесныя отвѣты, отчасти уклончивыя, отчасти угрожающіе. Султанъ, непреклонно, объявлялъ съ надменностію, что никогда не допуститъ посторонняго вмѣшательства въ дѣла со своими мятежными подданными; и даже нашего чрезвычайнаго посланника принималъ только спустя три мѣсяца, подъ предлогомъ врандства байрама. Раздраженный невѣжливостію и заносчивостію Махмуда, тайный совѣтникъ Рибоьеръ наемалъ загородный домъ въ Вуюндеръ, жилъ здѣсь уединенно и не принималъ участія въ переговорахъ, происходившихъ между всеми иностранными министрами и рейсъ-вазиромъ. Онъ оставилъ Диванъ подъ угрозой того ульмамуна, который Мидхали (нашъ повѣренный въ дѣлахъ) высказалъ въ своей послѣдней дипломатической нотѣ „Если греки падутъ, Порта не должна льстить себя надеждою,

что императоръ Николай останется мирнымъ свидѣтелемъ истребленія своихъ единовѣрцевъ.“

Императоръ Николай Павловичъ хотя и сомнѣвался въ неизречности Англии, продолжавшей переговоры съ Турціей, но рассчитывалъ на честное сѣдѣловіе Франціи по вопросу о покровительствѣ и освобожденіи Греціи. Съ другой стороны, онъ не питалъ ни малѣйшаго довѣрія къ дружественнымъ заявленіямъ Австріи, которая воспріяла подъ рукой противодѣйствіе турецкаго правительства русскому посредничеству. Правда, онъ имѣлъ въ Европѣ союзника надежнаго, но величіе этого союзника на вопросъ до сихъ поръ еще не обозначалось. Это былъ Фридрихъ-Вильгельмъ, король прусскій.

Государь послалъ ему превосходимымъ рементнымъ лантаемъ для 6-го кирасирнаго ижеки своего полка. Изъ сопровождалъ до Берлина полковникъ Кавалергардскаго полка Грюнвальдъ, съ нѣсколькими офицерами и командою, взятою изъ полковъ гвардейской кавалеріи. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ очень тронутъ этимъ подаркомъ прусской арміи. Цѣль сѣдѣльнаго приѣма нашихъ офицеровъ и команды въ годовщину взятія Парижа союзными войсками, престарѣлый король пригласилъ полковника Грюнвальда въ особую комнату и поручилъ ему передать солдатамъ: „что тѣсный союзъ между Россіей и Пруссіей всегда будетъ дорогъ его сердцу; что вторъ союзъ напоминаетъ ему въ особенности о вѣрнѣйшемъ другѣ, покойномъ императорѣ Александрѣ; что узы вѣжнѣйшей любви соединяютъ его и съ нынѣ царствующимъ монархомъ; что онъ получилъ медали въ память взятія Парижа и въ первый разъ возложилъ ее на себя, какъ свидѣтельство славныхъ воспоминаній, въ годовщину знаменательнаго событія.“ Отпустивъ нашу команду, Фридрихъ-Вильгельмъ обнималъ, какъ своихъ боевыхъ товарищей, ветерановъ, украсившихъ медалью въ память кампаніи 1814—1815 годовъ. Въ благодарственномъ рескриптѣ, которымъ король удостоилъ полковника Грюнвальда и сопровождавшихъ его офицеровъ, онъ еще разъ воскресилъ воспоминанія о великой борьбѣ съ Наполеономъ: „Чѣмъ болѣе мыслятъ я скупаемъ—говорилъ король—въ незабвенные 1813, 1814 и 1815 годы узнавать блистательными качества русской арміи, тѣмъ отрадые мнѣ было еще разъ найдти въ настоящемъ отрядѣ ту же дисциплину, тотъ же порядокъ и то же

образованіе, которыя всегда составляли отличительную черту императорской арміи.“

Въ продолженіе трехмѣсячнаго пребыванія нашего гвардейскаго отряда въ Берлинѣ, жители довсюду оказывали ему самый радушный приемъ, и видъ русскихъ мундировъ пробуждалъ во всѣхъ сердцахъ, какъ и въ сердцахъ народа, патристическія чувства и воспоминанія о союзѣ царей и народовъ Европы противъ общаго врага.

Такия же чувства проявлялись и въ Россіи. Вѣроятность скорой войны съ турками, для защиты единообразныхъ гренадеръ, находила большое сочувствіе въ народѣ, какъ то обнаружилось на майскомъ парадѣ 1827 года, возбуждавшемъ восторгъ и удивленіе многихъ и многихъ тысячъ зрителей. На Марсовомъ полѣ собрано было, вождь главнымъ начальствомъ пензенскаго князя Милутина, двадцать пять батальоновъ пѣхоты, пятьдесятъ три эскадрона кавалеріи и десять батарей артиллеріи, всего слишвомъ двадцать пять тысячъ гвардейскихъ воиновъ. Промадное протяженіе линій, разнообразіе и блескъ мундировъ и оружія, красота лошадей, превосходная выдержка людей и необыкновенная точность ихъ движеній, все содѣйствовало великолѣпію этого военнаго зрѣлища....

Въ то же время получены были благосрѣчными извѣстія объ удачномъ началѣ дѣйствій противъ Персіи. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ открылъ кампанію прежде чѣмъ ожидали персидскіе военачальники: шаховія войска еще не собрались, когда наша авангардъ, подъ начальствомъ генерала Бенкендорфа (Константина), вступила въ Эриванскую область, взяла Эчмиадзинскій монастырь и разбила непріятеля въ окрестностяхъ Эривани и Сардаръ-Абада. Императоръ, питавшій полное довѣріе къ главнокомандующему, и не сомнѣвался въ успешнѣйшій кампаніи, планъ которой былъ начертанъ Паскевичемъ, обещавшимъ государю подписать миръ въ Эривани или въ Тавризѣ. Убѣжая изъ Тифлиса, Паскевичъ доносилъ: „Надѣюсь, съ Божіей помощію, что Персія распадется, до истеченія пяти мѣсяцевъ, въ томъ, что дерзнула объявить войну Вашему Величеству.“

Не такъ легко было предусмотрѣть послѣдствія другой войны, именно съ Турціей. Османское правительство, еще съ большина, противъ престола, урядившемъ отверженіе сущаго и миролюбивого посредничества союзными державами, оно не

только не отвѣчало на весьма категорическую ноту лорда Страфорда-Канинга, переданную отъ имени Англій, Россіи и Турціи, но и дало понять, что не станеть отвѣчать на нее. 11-го мая 1827 года всѣ три посланника приступили наконецъ къ рейсъ-всенди съ настойчивымъ требованіемъ. Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, не имѣя возможности отдѣлаться уклончивымъ отвѣтомъ, позволилъ себѣ сказать запальчиво, что султанъ былъ бы въ правѣ потребовать удовлетворенія у державъ, поощрившихъ быть его подданныхъ, и прибавилъ раздражительно, что если посланники будутъ настаивать на отвѣтѣ, котораго имъ не дадутъ, то лучше немедленно прервать всѣ дипломатическія сношенія... При этихъ словахъ, тайный совѣтникъ Рибоьеръ всталъ и вышелъ, объявивъ, что послѣ такого отвѣта нечего ожидать другаго и что онъ доноситъ о томъ своему правительству. Благородная рѣшимость нашего посланника смутила рейсъ-всенди, къ которому графъ Гильемино, французскій посланникъ, обратился съ строгимъ предостереженіемъ. Англійскій посланникъ также пригласилъ турецкаго министра обдумать послѣдствія разрыва съ тремя державами: „Если вы отвергаете“—сказалъ онъ—„мирное посредничество, то наживете себѣ посредничество вооруженное. Берегитесь! Россія не сдѣлаетъ шагу назадъ, а мы принуждены будемъ послѣдовать за нею“.

Въ тотъ же вечеръ Рибоьеръ возвратился въ Бушедере, объявивъ о намѣреніи своемъ оставить Константинополь и поручилъ своему драгоману передать рейсъ-всенди слѣдующую грозную декларацію: „Высокая Порта симъ извѣщается, что интервенція, въ пользу грековъ, состоится, если не пяти великихъ европейскихъ державъ, то трехъ или двухъ и даже одной“.

Императоръ Николай предчувствовалъ прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Портою. Потому, прежде чѣмъ получено было отъ Рибоьера извѣстіе о вызовѣ, брошенномъ рейсъ-всенди Россіи, государь день и ночь трудился съ начальникомъ своего главнаго штаба, барономъ Дибичемъ, надъ приведеніемъ въ военное положеніе первой и второй армій, а съ начальникомъ морскаго штаба надъ укомплектованіемъ флота. Его величество твердо рѣшился прекратить, одинъ или со своими союзниками, подвозъ войскъ, снарядовъ, продовольствія и денегъ, безпрестанно направлявшіеся въ Константинополь въ Грецію для

усиленія мусульманскихъ полчищъ. Зѣлѣмъ императоръ, въ сопровожденіи великаго князя Михаила, отправился въ Смоленскую губернію смотрѣть войска, предназначенныя войти въ составъ дѣйствующей арміи. При смотрѣ, близъ Вязьмы, второго пѣхотнаго корпуса и первой уланской дивизіи, государь остался чрезвычайно доволенъ сими войсками и изъявилъ особенное благоволеніе фельдмаршалу графу Остенъ-Сакену и всѣмъ начальствующимъ лицамъ.

— „Тебя же, Мишель“ — сказалъ императоръ великому князю — „надобно поблагодарить за примѣрную точность движеній нашей артилеріи. Я знаю, съ какимъ усердіемъ ты занимаешься усовершенствованіемъ этого оружія и помню, что, въ дѣтствѣ, ты не имѣлъ другаго честолюбія, какъ быть хорошимъ артиллеристомъ. И вотъ твое честолюбіе сегодня удовлетворено....“

Государь ожидалъ депешъ изъ Константинополя: Рибопьеръ доносилъ, что требовалъ своихъ паспортовъ, но что султанъ Махмудъ наконецъ согласился принять его въ аудіенціи послѣ праздникова байрама. Султанъ пожертвовалъ своимъ министромъ справедливому негодованію представителей Россіи, Англіи и Франціи, и можно было предполагать, что новый министръ окажется уступчивѣе Сеида-эфенди, отставка котораго состоялась подъ предлогомъ разстроенаго здоровья. Торжественная аудіенція была назначена 14-го іюня. Казалось вѣроятнымъ, что она повлечетъ за собою скорѣе миръ, чѣмъ войну, хотя въ близкомъ будущемъ ожидали взятія турками Акрополя Аѣинскаго и сераскиръ Решидъ-паша надѣялся подавить возстаніе въ Греціи до соединенія въ водахъ Архипелага флотовъ русскаго, англійскаго и французскаго.

Русскій флотъ стоялъ еще на якорѣ въ Кронштадтѣ.

Вечеромъ, 9-го іюня, императоръ Николай Павловичъ отплылъ изъ Петергофа на катеръ въ сопровожденіи лишь дежурныхъ генералъ и флигель-адъютантовъ, и направился прямо къ адмиральскому кораблю „Азовъ“. Было одиннадцать часовъ вечера, когда приблизился императорскій катеръ. Въ ту же минуту два пушечные выстрѣла дали знать офицерамъ и матросамъ, находившимся на берегу, о немедленномъ возвращеніи къ своимъ постамъ. Въ три часа утра флотъ снялся съ якоря и при тихомъ, благопріятномъ вѣтрѣ вышелъ въ море. На адмиральскомъ кораблѣ взвился императорскій штандартъ;

всѣ батареи эскадры салютовали ему залпомъ изъ двухъ тысячъ пушекъ; кронштадтскія укрѣпленія отвѣчали на салютъ...

Балтійская эскадра, долженствовавшая идти въ воды Архипелага подъ начальствомъ адмирала Сенявина, состояла изъ девяти линейныхъ кораблей: „Св. Андрей Первозванный“, „Великій Князь Владиміръ“, „Азовъ“, „Гавгудъ“, „Константинъ“, „Иезекіиль“, „Сысой Великій“, „Эммануилъ“ и „Св. Александръ Невскій“; изъ четырнадцати фрегатовъ, въ томъ числѣ: „Россія“, „Меркурій“, „Орель“, „Касторъ“, „Діана“ и „Елена“, и изъ многихъ судовъ меньшаго ранга. Линейный корабль „Константинъ“ и фрегатъ „Елена“ отдѣлены были отъ флота уже болѣе мѣсяца и посланы на крейсерство въ Средиземное море, подъ начальствомъ контръ-адмирала Белингсгаузена.

Утро 10-го іюня императоръ посвятилъ общему смотру флота. Государь сошелъ, со свитою, въ шлюпку корабля „Азовъ“, на которой развѣвался адмиральскій флагъ; двадцать гребцовъ помчали ее по ровному какъ зеркало морю, въ которомъ отражались лучи восходящаго солнца. Пройдя мимо линіи всѣхъ судовъ, расположившихся полукругомъ, его величество осмотрѣлъ, одинъ за другимъ, линейные корабли, въ сопровожденіи адмирала Сенявина, вице-адмираловъ и контръ-адмираловъ, входилъ въ малѣйшія подробности вооруженія, разговаривалъ съ офицерами и съ матросами.

— „Благодареніе Богу“—сказалъ государь, обращаясь къ одному изъ своихъ генераль-адъютантовъ: „въ царствованіе покойнаго императора Александра, Россія доказала, каковы ея сухопутныя войска; теперь она съ гордостію можетъ представить Европѣ свой флотъ“.

Послѣ полудня прибыла изъ Ораніенбаума императрица Александра Ѳеодоровна съ наследникомъ-цесаревичемъ, съ великимъ княземъ Михайломъ и великою княгинею Еленою Павловною. Всѣ отправились на фрегатъ „Россія“. Тотчасъ же начались маневры флота близъ Красной Горки, продолжавшіеся до вечера. Совокупность и точность движенія судовъ не оставили желать ничего лучшаго; отличился въ особенности линейный корабль „Сысой Великій“, которымъ командовалъ капитанъ втораго ранга Дурасовъ.

— „Я желалъ бы“—сказалъ государь этому штабъ-офицеру—„чтобы такое превосходное маневрированіе было исполне-

но въ присутствіи англійскаго флота, гдѣ вы нашли бы достойныхъ цѣнителей“.

Императоръ и императрица еще разъ были салютованы 2,000 пушечныхъ выстрѣловъ, грянувшихъ одновременно съ судовъ и кронштадтскихъ фортовъ.

Вечеромъ флотъ получилъ приказаніе вступить подъ паруса, и прежде чѣмъ послѣднія мачты скрылись на горизонтѣ, среди лѣтней ночи, похожей на утреннія сумерки, императоръ прибылъ на рейдъ на яхтѣ, буксируемой парухомомъ, и отсюда возвратился на катеръ въ Петергофъ.

Этотъ достопамятный смотръ нашего флота въ Финскомъ заливѣ далъ понять Европѣ, неподозрѣвавшей его существованія (*), что отнынѣ Россія въ состояніи выставить морскую силу, равную силѣ большихъ морскихъ державъ. Англія встревожилась....

Распространился уже слухъ, будто различныя части второй арміи сосредоточивались въ Бессарабіи и что двадцати-пятитысячный корпусъ войскъ арміи царства Польскаго получилъ приказаніе медленно сдвигаться къ границамъ. Въ южной арміи не происходило впрочемъ никакихъ передвиженій, хотя графъ Витгенштейнъ и былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. Говорили, что планъ кампаніи противъ Турціи, представленный барономъ Дибичемъ и утвержденный императоромъ, ожидалъ только предвидимыхъ и почти достовѣрныхъ событій, чтобы быть приведеннымъ въ исполненіе.

Дѣйствительно, въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ производились, безъ шума и безъ огласки, огромныя приготовленія къ войнѣ. Государь лично занимался, вмѣстѣ съ начальникомъ своего главнаго штаба, пополненіемъ и улучшеніемъ всѣхъ частей службы и усилилъ работы на заводахъ пушечнолитейныхъ, оружейныхъ, пороховыхъ и въ арсеналахъ. Многочисленныя военныя преобразованія, введенныя въ это время во всѣхъ частяхъ военной администраціи, были предприняты, большею частію, по мысли Дибича, и хотя не всѣ они были равно цѣлесообразны и полезны, но въ общемъ, какъ плодъ опытности свѣдущаго человѣка, послужили основанію органи-

(*) Известно, что въ послѣдніе годы царствованія императора Александра, наши морскія силы были въ упадкѣ, а наводненіе 1824 года истребило и повредило большую часть судовъ балтійскаго флота.

заци нашихъ сухопутныхъ силъ въ царствованіе императора Николая.

25-го іюня 1827 г. баронъ Дибичъ былъ возведенъ въ графское достоинство, при самомъ лестномъ высочайшемъ рескриптѣ.

Затрудненія съ Портою усложнились все болѣе и болѣе. За три дня до аудіенціи, въ которой султанъ долженъ былъ принять, въ первый разъ, нашего чрезвычайнаго посланника, новый рейсъ-эфенди вручилъ драгоманамъ посольствъ русскаго, англійскаго, французскаго, австрійскаго и прусскаго ноту, въ которой окончательно отвергалось всякое вмѣшательство, прямое или косвенное, державъ въ дѣла возставшей Греціи. Въ этой нотѣ выставлялся на видъ принципъ, что „всякое независимое государство, кромѣ обязательствъ, возлагаемыхъ на оное трактатами и внѣшними сношеніями, имѣетъ учрежденія и отношенія, касающіяся исключительно его самого“; т. е. Порта утверждала, что она одна имѣетъ право устраивать свои собственныя дѣла, соображаясь со своими пользами и законами. „Потому Блистательная Порта удивляется“—сказано было въ нотѣ—„что державы намѣреваются посягнуть на власть монарха, предлагая свое посредничество между имъ и его возмутившимися подданными. Порта никогда не приметъ этого посредничества: все, что она можетъ предложить возмутившимся грекамъ, это прощеніе, если они положить оружіе и возвратятся къ своему долгу. Она не имѣетъ болѣе живѣйшаго желанія, какъ возстановить общее спокойствіе и прекратить пролитіе крови; но она считаетъ себя въ правѣ объявить, разъ навсегда, что причины религіозныя, политическія, національныя и административныя воспрепятствуютъ ей согласиться на предложенія, которыя были сдѣланы дружественными державами и которыя повели только къ тому, что поощрили и продлили возмущеніе *шайки разбойниковъ*.“

Ни одна изъ державъ не была поименована въ нотѣ, но турецкое правительство имѣло въ виду Англію и Россію, напомнивъ, что на веронскомъ конгрессѣ англійскій посланникъ выразилъ ясно и офиціально, отъ имени всѣхъ державъ, что „греческій вопросъ признанъ принадлежащимъ къ внутреннимъ дѣламъ Высокой Порты“, и давъ понять, будто на амерманскихъ конференціяхъ русскіе уполномоченные объявили положительно, что этотъ вопросъ не подастъ повода ко вмѣшательству со

стороны императора Николая. „Такъ какъ сія декларація послужила основою результатовъ совѣщаній въ Аерманѣ“ — прибавляла нота — „то и не можетъ быть сомнѣнія, что Порта имѣетъ право считать дѣло окончательно улаженнымъ.“

Донося своимъ правительствамъ о такой категорической нотѣ, посланники извѣщали, что, въ виду несостоявшагося дипломатическаго соглашения, надлежитъ прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ средствамъ для одолѣнія непреклоннаго упорства Оттоманской Порты. Они признавали однако нужнымъ продлить переговоры и выиграть время до той минуты, когда союзныя державы будутъ въ возможности поддержать свое посредничество оружіемъ или, по крайней мѣрѣ, присылкою эскадры въ воды Архипелага. Съ этою цѣлю они замѣтили рейсъ-эфенди, что отвѣтъ на ихъ предложенія никѣмъ не былъ подписанъ, вопреки всѣхъ обычаевъ дипломатіи; а такъ какъ рейсъ-эфенди отказывался подписать и даже принять на себя отвѣтственность, то посланники показали видъ, что не придаютъ нотѣ особенно важнаго значенія. Только одинъ нашъ посланникъ объявилъ прямо, что считаетъ ноту, сообщенную дипломатическому корпусу, оскорбительною для своего монарха и для себя; бывъ однимъ изъ уполномоченныхъ на аерманскихъ конференціяхъ, онъ не можетъ потерпѣть, чтобы его обвиняли въ принятіи, относительно греческаго вопроса, обязательствъ, отъ которыхъ будго бы онъ хотѣлъ уклониться. Потому тайный совѣтникъ Рибопьеръ поспѣшилъ формально опровергнуть намекъ на свой счетъ и требовалъ, чтобы рейсъ-эфенди немедленно оправдался въ неосновательности своего показанія. Рибопьеръ, вѣроятно, отказался бы и отъ аудіенціи, на которой долженъ былъ представить свои вѣрительныя грамоты, если бы нашъ повѣренный въ дѣлахъ, Минчиани, и совѣтникъ посольства, Бергъ, не убѣдили его, что именно эта аудіенція и доставить ему торжественный случай протестовать, отъ имени императора и отъ своего, противъ ложныхъ и оскорбительныхъ внушеній, заключавшихся въ нотѣ рейсъ-эфенди.

Аудіенція состоялась, но нота не была ни взята обратно, ни объяснена. Тѣмъ не менѣе турецкое правительство не пощадило ничего, чтобы задобрить нашего посланника и доставить ему косвенное удовлетвореніе необыкновенными знаками почтенія и отличія. Никогда оттоманскій дворъ не проявлялъ

большей пышности въ дипломатическомъ церемоніалѣ. Рибопьеръ, на превосходномъ, богато-убранномъ конѣ, подаренномъ ему султаномъ, и въ сопровожденіи всѣхъ лицъ нашего посольства, направился къ Серальскому дворцу, между двумя шпалерами отборныхъ войскъ, расположенныхъ на семь пути. Онъ былъ встрѣченъ у подъезда султанскими камергерами и введенъ ими въ залу Дивана при звукахъ военной музыки. Здѣсь его встрѣтилъ великій визирь, въ придворномъ костюмѣ, и посадилъ, насупротивъ себя, на богатомъ табуретѣ, между тѣмъ какъ высшіе сановники расположились кругомъ. Во время обѣда, только одинъ нашъ посланникъ помѣщался за первымъ столомъ, съ великимъ визиремъ; сераскиръ сидѣлъ за вторымъ съ Бергомъ и Минчіали; остальные лица посольства находились за другими столами.

Послѣ обѣда, великій визирь написалъ султану слѣдующую, въ восточномъ духѣ, просьбу: „Россійскій посолъ испрашиваетъ милости дерзнуть явиться передъ престоломъ падишаха“. Въ ожиданіи отвѣта, полученнаго спустя часъ, онъ бесѣдовалъ съ Рибопьеромъ чрезъ драгомана. Въ этой-то бесѣдѣ нашъ энергическій дипломатъ и выразилъ свое неудовольствіе по предмету ноты, въ которой приписывали ему, равно и его правительству, недобросовѣстный поступокъ: онъ доказалъ, что греческій вопросъ не былъ даже возбуждаемъ на акерманскихъ конференціяхъ, слѣдовательно уполномоченные не могли и заниматься имъ. Рибопьеръ настаивалъ, чтобы оскорбительное для Россіи и для него мѣсто было вычеркнуто изъ ноты, врученной представителямъ пяти державъ. Великій визирь, смущенный, встревоженный рѣшительными требованіями нашего посла, извинился и сталъ оправдываться тѣмъ, что все недоразумѣніе произошло отъ словеснаго сообщенія графа Воронцова, который будто бы сказалъ турецкимъ уполномоченнымъ, что Россія желаетъ только покончить свои собственные несогласія съ Портою, не вмѣшиваясь въ постороннія для нея распри. Такое неопредѣленное извиненіе не удовлетворило Рибопьера: онъ объявилъ, что въ свое время и въ своемъ мѣстѣ возобновитъ протестъ до тѣхъ поръ, пока не получитъ полного удовлетворенія.

Наконецъ полученъ былъ отвѣтъ султана: нашъ посланникъ, въ сопровожденіи чаушъ-баши или оберъ-церемоніймейстера, отправился, со своею свитою, въ галерею, предшествую-

щую султанскимъ покоемъ. Здѣсь его посадили на табуретъ и надѣли на него дорогую шубу, подаренную ему Махмудомъ. Введенный къ султану съ обычнымъ церемоніаломъ, тайный совѣтникъ Рибопьеръ произнесъ рѣчь на русскомъ языкѣ, въ которой довольно холодно выразилъ желаніе видѣть, со стороны Турціи, сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи; потомъ онъ представилъ свои вѣрительныя грамоты, и, пробывъ не болѣе десяти минутъ въ аудіенцъ-залѣ, возвратился въ залу Давана, гдѣ откланялся великому визирю.

Кортежъ, сопровождавшій Рибопьера до султанскаго дворца, сопровождалъ его и на обратномъ пути къ дому нашего посольства, гдѣ уже находились присланные Махмудомъ подарки, богаче и въ большемъ числѣ, нежели какіе слѣдовало бы получить, по принятому обычаю, посланнику второй степени (*). Турецкое правительство хотѣло доказать этимъ особенное вниманіе и предупредительность нашему уполномоченному; но Рибопьеръ остался еще непоколебимъ въ своей политикѣ.

Несмотря однако на настойчивыя требованія, нашъ посланникъ не могъ добиться исправленія ноты, и не отказываясь отъ своихъ требованій, призналъ нужнымъ вновь донести о томъ императору. Графъ Нессельроде далъ знать Рибопьеру, что онъ имѣлъ право настаивать на пунктѣ, затрогивавшемъ честь Россіи, и что ему надлежитъ возобновить вопросъ съ большею еще энергіей и самымъ рѣшительнымъ образомъ, лишь только союзныя державы условятся между собою относительно тѣхъ средствъ, которыми должно будетъ побороть упорство Огоманской Порты.

Переговоры по этому предмету продолжались въ С.-Петербургѣ, въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Англія въ особенности обнаруживала желаніе идти объ-руку съ Россіей въ принятіи мѣръ, долженствовавшихъ положить вонецъ истребительной войнѣ въ Греціи, не потому впрочемъ, чтобы сочувствовала Россіи, но потому, что боялась пуще всего, чтобы наши войска не вступили въ дунайскія княжества и не угрожали, хоть издалика, Константинополю. Франція также присоединилась ко всѣмъ мѣрамъ въ пользу грековъ, которые, несмотря на свою герой-

(*) Рибопьеръ былъ облеченъ званіемъ „чрезвычайнаго посланника“ (ambassadeur extraordinaire); первая же степень принадлежитъ „полномочному послу“ (envoyé).

скую борьбу, должны были пасть неминуемо, предоставленные своимъ силамъ.

Итакъ, три державы были согласны между собою въ предположенной къ достиженію цѣли. Оставалось обсудить способы ея исполненія. Слѣдовало-ли немедленно подать помощь грекамъ, т. е. послать имъ вспомогательный корпусъ, или отправить оружіе и деньги, или же побудить султана прекратить истребленіе его христіанскихъ подданныхъ? Такъ какъ попытки мирнаго посредничества не удались, то державы могли прибѣгнуть только къ силѣ. Самъ султанъ понималъ такъ хорошо свое положеніе относительно союзниковъ, что готовился сопротивляться имъ: организовалъ торопливо новую войска, безпрестанно увеличивалъ личный составъ и матеріальную часть флота, приводилъ въ возможно-лучшее положеніе укрѣпленія Босфора и дунайскія крѣпости, какъ бы ожидая ежеминутно одновременнаго нападенія съ суши и съ моря. Въ то же время онъ спѣшилъ вооруженіями вице-короля Египетскаго и приказалъ Решиду-пашѣ и Ибрагиму, командовавшими войсками въ Греціи, потопить въ крови возстаніе, прежде чѣмъ флоты англійскій и французскій явятся передъ Дарданелами и прежде чѣмъ русская армія вступитъ въ дунайскія княжества.

Послѣдняя случайность тревожила не менѣе и англійское правительство, и потому, всячески стараясь предотвратить ее, оно усугубляло свои дружественныя заявленія Россіи. Герцогъ Уэлингтонъ, чтобы поддержать политику кабинета сэра Джорджа Каннинга, велъ частную переписку съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ и усиливался отклонить его отъ личной войны съ Турціей, ссылаясь на то, что такая война произведетъ большое замѣшательство въ международныхъ сношеніяхъ европейскихъ державъ. Совѣты и просьбы Уэлингтона не могли однако поколебать рѣшимости императора. Въ одномъ изъ конфиденціальныхъ писемъ онъ писалъ герцогу: „Мы условились по вопросу греческому; боюсь, что мы никогда не сойдемся въ вопросъ русскомъ. Вспомните, что Оттоманская Порта подписала акерманскій трактатъ единственно для того, чтобы нарушить его.“

Англійскій дворъ, все еще надѣясь склонить императора къ выжиданію, отправилъ въ С.-Петербургъ маркиза Гертфорда, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника. Это посольство было

обставлено такъ же тщательно, какъ и недавнее посольство герцога Уэлингтона.

Маркизь Гертфордъ, членъ тайнаго совѣта его британскаго величества и одинъ изъ именитѣйшихъ представителей англійской аристократіи, прибылъ (28-го іюня), отъ имени своего государя, съ орденомъ Подвязки для императора Николая Павловича, въ сопровожденіи сэра Джорджа Нейлера, оберъ-герольдмейстера Англій, лордовъ Сеймура и Гилла, полковника Кука, капитановъ флота Мейнелля и Сеймура и другихъ лицъ. 8-го іюля онъ имѣлъ частную аудіенцію у императора и императрицы въ Царскосельскомъ дворцѣ, а на другой день послѣдовала торжественная аудіенція для поднесенія его величеству знаковъ ордена Подвязки. Чрезвычайный посланникъ былъ въ орденомъ одѣяніи; сэръ Джорджъ Нейлеръ, также въ мантіи ордена, держалъ въ одной рукѣ жезлъ герольдмейстера, въ другой вѣрительныя грамоты и дипломъ, съ подписью Георгія IV; лица посольства несли на бархатныхъ подушкахъ части ордена одѣянія и знаки самаго ордена. Императоръ занималъ мѣсто на тронѣ, окруженный членами императорской фамиліи и придворными чинами. Маркизь Гертфордъ, приблизившись къ трону и низко поклонившись, объяснилъ цѣль возложеннаго на него порученія и представилъ книгу статUTOвъ ордена. Его величество, принявъ орденоскіе знаки, повелѣлъ, какъ того требовалъ обычай, выдать англійскимъ уполномоченнымъ свидѣтельство въ ихъ полученія. Затѣмъ англійскіе уполномоченные прикрѣпили Подвязку пониже лѣваго колѣна его величества и послѣдовательно возложили на императора прочіе знаки ордена.

— „Сэръ Джорджъ Нейлеръ“—сказалъ императоръ — „передайте отъ меня августѣйшему главѣ ордена Подвязки, что онъ всегда найдетъ во мнѣ добраго сподвижника и вѣрнаго кавалера“.